

ФОРМИРОВАНИЕ НЕОИНДУСТРИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Брагин Александр Геннадьевич,
студент 3 курса экономического факультета,
e-mail: braagin@mail.ru

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

В данной статье приводятся результаты анализа причин отсталости России, устанавливается необходимость структурной модернизации российской экономики и определяется сущность модели неоиндустриализации.

Ключевые слова: рентно-сырьевая модель, антикризисная политика, неоиндустриализация, производительность труда, вертикальная интеграция, ТНК, НИОКР, инновации.

Очевидно для большинства, что глобальная экономика в XXI в. будет кардинально меняться. С высокой долей вероятности владычество США и Европы, если и не подойдет к концу то, как минимум, серьезно ослабнет. На авансцену выдвигаются новые лидеры – Китай, Индия, Бразилия, Россия.

В опубликованном докладе Национального разведывательного совета США «Мир после кризиса», 2009 г. черным по белому сказано: «Перспективы роста для Бразилии, России, Индии и Китая (БРИК) указывают на то, что к 2040 – 2050 гг. они совместными усилиями подберутся к исходной доле общего ВВП “Большой Семерки”». <...> «У России есть потенциал стать в 2025 г. богаче, сильнее и более уверенной в своих силах, если она инвестирует в кадровые ресурсы, расширит и разнообразит свою экономику и интегрируется в мировой рынок» [5, с. 359, 360].

В свете сказанного актуальность темы исследования не вызывает сомнений. Мы собрали воедино мнения и факты, так или иначе касающиеся антикризисной политики государств, особенно уделяя внимание антикризисному управлению и политике модернизации в России.

Можно выделить три возможных при сегодняшнем раскладе сил в мире подхода (модели) в осуществлении посткризисной политики, к которым будут склоняться разные страны мира в зависимости от их принадлежности к тем или иным группам по уровню развития.

Первый подход. Высокоразвитые страны ведут линию на возврат к прежней экономической модели и привычной схеме управления миром. В борьбе за монопольный доступ к мировым ресурсам, становящимся все более ограниченными, их не останавливает перспектива локальных и даже мировых войн. Понимая, что в нынешнем и будущем мире уже невозможно обеспечить доминирование на планете, сохранение диспропорции 80 на 20 только за счет сил

США и узкого круга их традиционных союзников, мировая элита в выстраивании сценариев будущего готова расширить круг стран, допущенных в «клуб избранных».

Эта модель антикризисной политики может получить реальное распространение, если не начать убеждать мыслящую часть человечества, что политика силового подавления слабых ради благоденствия сильного меньшинства в нынешних условиях несостоятельна в принципе. Потому что уровень грамотности и информированности масс людей в век Интернета радикально иной, чем в прежние времена. И особенно потому, что уровень экологических неравновесий на планете сегодня близок к катастрофическому. Природа неизбежно будет самым неожиданным и самым жесточайшим образом мстить человечеству за военные и антисоциальные авантюры. Случаи участвовавших мировых катастроф уже сейчас дают материалы, подтверждающие реалистичность данной гипотезы.

Вместе с тем нельзя исключать и другой вариант реализации ведущей роли содружества высокоразвитых стран по преодолению противоречий системы. Эта модель ответственного лидерства высокоразвитых стран могла бы оказаться оптимальной для человечества, если бы начала реализовываться политика, базирующаяся не на индивидуализме, а на понимании хрупкости социально-экологического равновесия в мире.

Второй подход. Крупные быстроразвивающиеся страны – Китай, Индия и другие принимают энергичные меры по поддержанию экономического роста на высоком уровне, превращаясь в новые центры экономической динамики. Китай, например, продолжает усиленно вкладывать значительные инвестиции в самые разные, в том числе наукоемкие, отрасли экономики. Он переходит от этапа простого заимствования технологий к закреплению лидерства путем активизации собственных НИОКР. Однако этот путь пока остается не чем иным, как реализацией догоняющей модели роста. Он представляет собой путь максимальной эксплуатации дешевого живого труда и путь, не обремененный заботой об экологии (ежедневно в Китае строятся две электростанции, работающих на угле).

Вместе с тем, предпосылки для серьезного обновления подражательной модели экономического развития видны и в Китае, который пытается сделать рывок в НТП собственными силами, переориентирует свою экономику с внешнего спроса на внутренний спрос, и в Индии, последовательно придерживающейся в последние годы четкой протекционистской политики в ключевых сферах промышленности и продвинувшейся в области так называемого оффшорного программирования, в заработках на аутсорсинге и т.п.

Третий подход. Это модель поведения стран, которые хотят и пытаются что-то сделать по сохранению динамизма роста, но в силу разных причин лишены реальной инициативности и предпочитают придерживаться выжидательных стратегий, надеясь, что вот немножко – и страны-лидеры вернут мир к привычной устойчивости системы, которая бы двигалась и далее силами конкуренции. Для каких-то относительно небольших стран этот путь может быть рациональным способом быстрого экономического роста. Но он неприемлем

для России, даже если его пытаются представить как «разумную» модернизационную политику [2, с. 19 – 21].

К сожалению, по многим признакам российская антикризисная модель поведения пока очень близка к этой последней схеме, что определяется по-прежнему большим влиянием на правительственную экономическую политику со стороны энергосырьевого лобби. Вместе с тем нельзя не заметить, что характер программных заявлений последнего времени на высшем уровне обнадеживает, поскольку этим настойчиво выражается мысль о необходимости замены модели экономического развития и осуществления всесторонней модернизации экономики (Концепция 2020).

В данном отношении наиболее содержательным представляется определение именно неоиндустриальной модернизации. Она означает такое масштабное технологическое перевооружение народного хозяйства, которое позволяет автоматизировать наши производительные силы, поднять удельный вес автоматизированных и компьютеризованных рабочих мест в экономике до уровня передовых индустриально развитых держав мира. И на этой основе резко нарастить конкурентоспособность отечественного производства товаров и услуг, увеличив заодно и качественно обновив оборонный потенциал страны [3].

Неоиндустриальная парадигма, обоснованная и выдвинутая в результате обобщения генеральных закономерностей современности, позволила содержательно уточнить и емко выразить формулу развития России: неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция. Иначе говоря, если нет неоиндустриализации наших производительных сил с их превращением в компьютеризованные и технотронные, то нет и социально-экономического развития страны.

Идеал экономики будущего заключается в замещении человека компьютеризованными машинами в материальном производстве и распределении продуктов, в организации расширенного воспроизводства экономики труда и свободного времени людей.

В действительности имеются основания говорить о неоиндустриальной революции. Ее достижения и потенциал поистине революционны в сфере как производительных сил, так и социальных отношений. Микропроцессор, базисный продукт неоиндустриализации, стал за два десятилетия таким же всеобщим и доступным, как ранее киловатт-час электричества – базисный продукт электрификации. Благодаря микропроцессору цифровой формат многообразных данных превратился поистине в универсальный, позволяя интегрировать и комбинировать разнородные устройства для вычислений, хранения, обработки и передачи информации, для анализа, проектирования, моделирования и оптимизации различных решений: от экономических до военно-политических и общегосударственных. Цифровые технологии создают базис для соединения рабочих и управляющих машин в единую автоматизированную, а главное – безлюдную систему машин, планомерно управляемую людьми ради обеспечения конкретных материальных и социальных потребностей каждого человека.

На основе неоиндустриализации и автоматизированных рабочих мест доминирующими становятся принципы безлюдного и безотходного воспроизводства, рециркуляционного по своему характеру, основанного на возобновляемых

энергетических источниках, избавленных от сжигания углеводородов, т. е. на энергетике постнефтяной эры.

Обозначенные тенденции, присущие фазе неоиндустриализации, весьма контрастно прослеживаются уже теперь: в практике не всех, а только наиболее развитых стран. Только здесь действует полный цикл разработки и производства базисного продукта неоиндустриализации – микропроцессора. Только здесь удельный вес автоматизированных рабочих мест превышает 55%, а количество годового рабочего времени в расчете на одного работника сведено до 1500 – 1600 часов и продолжает снижаться. Беспрецедентное расширение доли занятых НИОКР в составе рабочей силы, систематическое введение автоматизированных технологий утилизации отходов, а также очень заметное в последние годы изменение структуры электрического баланса в пользу источников нетепловой энергетики – все это также достижения лишь самых неоиндустриально развитых держав планеты [1, с. 4, 5].

Наряду с новой теоретической парадигмой необходима и новая экономическая политика, рассчитанная на практическое решение задач неоиндустриализации нашего народного хозяйства. Чем и зачем государство должно заниматься в рамках политики неоиндустриализации, на какие регуляторы и целевые критерии ориентироваться, какие функции и методы использовать?

Сосредоточимся, в основном, на главной цели политики неоиндустриализации, а эта цель состоит в преодолении отсталости России от передовых рубежей неоиндустриальной эпохи, достигнутых ведущими странами мира.

Мера подлинной прогрессивности либо стадии формационного развития, либо общественно-экономического строя измеряется величиной производительности труда.

Надежность данного критерия проверена всей историей человечества. Ни разу он не приводил к неверным оценкам и выводам. На него опираются сейчас все страны, входящие в ОЭСР. В регулярных аналитических отчетах и обзорах экономического положения ЕС и ОЭСР каждая из стран неизменно помещается на сравнительной шкале сообразно своему уровню производительности труда (относительно показателя США) [7]. По динамике перемещения отметки на шкале за тот или иной период можно судить о том, прежде всего, на какой стадии капитализма находится общество – высшей или низшей, насколько эффективны экономическая политика и механизм ее реализации, действуют ли стимулы к прогрессу, к замещению трудоемкого капиталоемким, срабатывают ли принимаемые меры государственного регулирования.

Вся так называемая развитая цивилизация современного мира держится на достигнутой величине производительности труда, а потому приобщение к ценностям такой цивилизации без подъема производительности абсолютно исключено. Ни при каких условиях развитые державы не будут считать Россию равной себе по цивилизованности до тех пор, пока Россия не добьется равенства с ними по производительности человеческого труда в экономике.

Первое, на чем следует зафиксировать внимание – это отсталость стадии развития капитализма в пореформенной России. На протяжении 1990-х гг. реформаторы тянули своей политикой Россию назад, к фабрично-заводскому ка-

питализму «свободной конкуренции». Они насаждали отношения либерал-капитализма, исторически самого низшего. Их политика завершилась полным крахом в 1998 г. Затем начался разворот на стадию монополистического капитализма, частично сращенного с государством. Причем не удалось обойтись без редкого своеобразия, обусловленного «шоковым» характером проведенных реформ: монополии оказались инфраструктурными и сырьевыми, а не промышленными. В результате вышел неиндустриальный олигархический капитализм. Наиболее же развитые державы вышли на стадию государственно-корпоративного капитализма три десятилетия назад, а некоторые (Швеция, Норвегия и др.) поднимаются сейчас еще выше – на стадию госмонополизма. Отсталость по стадии развития влечет за собой отсталость экономической системы и политики, организационных форм общественного воспроизводства, покупательной способности людей, уровня и качества их жизни [1, с. 8].

В 1990 г. Россия, будучи в составе Советского Союза, располагала в своей промышленности производительной силой, равной 2,62 млрд. машинных работников. Это соответствовало 58,3% американского потенциала. В качественном отношении, т. е. по величине машинозамещения труда, Россия достигала 61,7% уровня США. Каким было движение производительной силы российской промышленности – количественное и качественное – в последующий до 2007 г. период представлено в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

Производительная сила и машинозамещение труда в промышленности России, 1990 – 2007 гг. [1, с. 6].

Годы	Производительная сила, млн. машинных работников	Машинозамещение, л.с./работник
1990	2623,7	124,9
1991	2536,9	126,1
1992	2324,8	116,1
1993	2149,6	114,0
1994	1873,7	<u>107,4 - min</u>
1995	1845,2	115,3
1996	1781,1	119,3
1997	1766,4	126,1
1998	<u>1727,0 - min</u>	131,1
1999	1803,7	137,9
2000	1911,0	143,8
2001	1940,0	146,1
2002	1938,7	150,5
2003	2007,9	162,1
2004	2056,9	171,7
2005	2085,0	144,1
2006	2238,8	156,3
2007	2339,9	163,4

По сравнению с 1990 г. производительная сила нашей индустрии все еще меньше на 283,8 млн. машинных работников, составляя лишь 89,2% объема, унаследованного от Советского Союза. Несколько иначе происходило движение показателя машинозамещения труда в промышленности. Поначалу он тоже снижался, но к 1998 г. достигнуто исходное значение, а по итогам 2007 г. про-

мышленность вышла на 130,8% дореформенного уровня, что составляет 1,7% в среднем за год.

Перейдем теперь к сопоставлению данных для пореформенной России с американскими показателями. Промышленность США не остановилась в своем развитии. В период 1991 – 2007 гг. производительная сила американской индустрии увеличилась на 1,76 млрд. машинных работников, а общая их численность – до 6,26 млрд.; показатель машинозамещения труда возрос с 202,6 до 467,0 л.с./работник, или в 2,3 раза, т. е. возростал примерно на 5,7% в среднем за год, более чем в 3 раза быстрее российского.

Исходя из приведенных результатов, получаем следующий итог: на конец 2007 г. суммарная производительная сила российской промышленности составила 37,4% американского потенциала (против 58,3% – в 1990 г.), а машинозамещение труда – 30,9 (против 61,7%). Относительно уровня США, следовательно, ни в количественном, ни в качественном отношении потери и отсталость производительной силы отечественной индустрии не только не компенсированы, но и возросли: в количественном выражении – в 1,56 раза, в качественном – в 2 раза.

Таким образом, к настоящему времени в абсолютном измерении отсталость России от США в промышленности такова: в 2,7 раза – по суммарной мощности производительной силы, в 3,3 раза – по качеству технологического потенциала и агрегированной производительности труда.

В указанных цифрах зафиксирована степень нынешней отсталости отечественной индустрии, которая является главным производственным ядром всего народного хозяйства и потому предопределяет технологический уровень экономики России в целом.

Либерально-капиталистический тип трансформации отношений собственности оказался реакционным и разрушающим – денационализация обернулась деиндустриализацией и углублением отсталости России, а экспортно-сырьевой механизм усугубил проблему замещения трудоемкого капиталоемким. По сравнению с советским периодом, отсталость пореформенной экономики возросла вдвое. По относительному уровню производительности труда промышленность России, не говоря уже о народном хозяйстве в целом, относится к слаборазвитой, отсталой.

В рамках цивилизационного пути, о котором говорилось выше, совершенствование форм участия Российской Федерации в новом мировом разделении труда может и должно осуществляться только на основе новых информационных технологий, ведущих к возникновению информационной цивилизации. Необходимо полностью переориентировать внешнеэкономическую деятельность РФ на экспорт транснациональной инвестиционной деятельности, связанный с производством наукоемкой конкурентоспособной продукции [4, с. 17].

В качестве своеобразного «волшебного» ключика, открывающего дверь неоиндустриализации, выступает закон вертикальной интеграции – специфический закон развития высшего капитализма, государственно-корпоративного и государственного. Все межотраслевые корпорации, и уж тем более транснацио-

нальные, обладают организационно-экономическим строением и механизмом, прямо или косвенно приведенным в соответствие с требованиями названного закона.

Пореформенная Россия имеет в наличии, к сожалению, лишь первое из двух – государство, и совершенно лишено второго – экономики ТНК.

Представляется целесообразным коротко описать содержательную сторону столь важного феномена нашего времени.

Во-первых, закон вертикальной интеграции исключает извлечение прибыли из промежуточного производства и инфраструктурных монополий. Будучи межотраслевой по природе, корпорация соединяет воедино технологически смежные отраслевые комплексы, выстраивает единые технологические цепочки, в которых органически объединены добывающие и обрабатывающие звенья промышленности, а продукция не покидает цикла производства, пока не превратится из промежуточной в конечную, полностью пригодную для конечного потребления.

Следовательно, *во-вторых*, вертикальная интеграция означает органическое объединение добывающих и обрабатывающих производств, научно-технологических и инжиниринговых центров, фирменных сетей оптовой и розничной торговли.

Интеграция добывающих и обрабатывающих звеньев, институциональное ее закрепление посредством общей, государственно-корпоративной собственности – этот характеристический признак особенно актуален для пореформенной российской экономики. Как известно, она фундаментально подорвана системной структурной деформацией, однобоким «сырьевым перекосом». Сохранение и воспроизводство частно-олигархической собственности критически зависит от внешнего рынка сырья и монетарного иностранного капитала – фиктивного и спекулятивного в силу своей денежной формы, в основном – нефтедолларовой. Интересы внешнего рынка, как то велит частная норма прибыли, сырьевой олигархический капитал ставит выше интересов внутреннего. Вот почему сырьевой капитал в союзе с фиктивным иностранным вместе противостоят внутреннему промышленному, вместе угнетают его кредитование и расширение, вырывают из под него землю, консервируя тем самым состояние деиндустриализации, срывая промышленную политику, поддерживая взамен политику «сырьевого консерватизма» (так называемое «ресурсное проклятье»).

Вертикальная интеграция, *в-третьих*, трансформирует экономический регулятор ценообразования, накопления, окупаемости и эффективности капитальных вложений, внутри межотраслевой корпорации снимается проблема разной выгодности между добывающими и обрабатывающими звеньями, между промежуточными и конечными производственными комплексами.

В-четвертых, вертикально интегрированное строение корпорации позволяет организовать внутрикорпоративное взаимодействие всех ее звеньев по принципу «точно вовремя».

В-пятых, корпоративный хозяйственный механизм регулирует связь между заработной платой и производительностью труда на почасовой основе, с

применением рациональных норм почасовой трудоемкости, результативности и производительности работников.

В-шестых, межотраслевая корпорация представляет собой комплекс инновационно ориентированных цепочек добавленной стоимости, нацеленных на увеличение мультипликатора добавленной стоимости. Отсюда заинтересованность в освоении продукции с более высокой долей добавленной стоимости и меньшими издержками.

В-седьмых, главным источником накопления для корпорации служит не повышение цен, а сокращение издержек и стоимости, увеличение товарного выпуска. Суммарная экономия издержек выступает центральной «инвестиционной составляющей», в отличие от пореформенной экономики России, где за «инвестиционную составляющую» принимается рост цен и тарифов, т. е. инфляция, а не снижение стоимости продукции.

В-восьмых, вертикально интегрированная корпорация обладает своей сбытовой инфраструктурой и общенациональной фирменной торговой сетью. Корпоративная форма организации воспроизводства, и в этом еще одна ее прогрессивная особенность, исключает какие бы то ни было посреднические звенья между производством и розничной торговлей товарами конечного потребления [1, с. 15 – 18].

Охарактеризованные признаки уже сами по себе показывают, на что следует нацелить политику неоиндустриального развития нашей страны. Кроме того, спроецировав их на любую российскую госкорпорацию, не удастся найти в ее строении и деятельности ни единого из девяти. Нынешние госкорпорации функционируют без вертикальной интеграции, а потому неэффективны: типичный пример полного разлада между громким названием и пустым содержанием.

Итак, частный капитал не организует неоиндустриализации нашей экономики, как не сумел приступить в свое время к всеобщей электрификации России. Субъектом неоиндустриализации и технотронной революции может быть только государственно-корпоративный капитал, сконцентрированный в мощном государственно-корпоративном секторе, на базе крупных вертикально интегрированных корпораций, сопоставимых по величине с зарубежными ТНК.

Основная цель политики неоиндустриализации заключается в преодолении отсталости России в развитии производительной силы народного хозяйства и уровне производительности труда. Конкретный способ ее реализации – развертывание динамичного и планомерного процесса замещения трудоемких производств капиталоемкими.

Особо следует сказать о целевом регуляторе политики неоиндустриализации. В настоящее время в качестве такового выступает норма прибыли частного сырьевого капитала, которая зависит от долларовой цены за бочку экспортируемой нефти. Тем самым опосредованно вся нынешняя макроэкономическая политика России поставлена с ног на голову, ибо зависит от цен сырьевого экспорта, фактически – от инфляции нефтедолларов, от их произвольной эмиссии Вашингтоном.

Российской экономике не видать подлинно неоиндустриального развития, пока реализуется политика, регулируемая долларовой ценой за баррель нефти или какой-либо ценой вообще. Еще А. Смит учил: увеличение цен никоим образом не понижает затрат и стоимости, никоим образом не прибавляет богатства страны.

Поэтому для политики неоиндустриализации специфичен в корне иной регулятор – не ценовой, не монетарный, не инфляционный. Целевым ее регулятором видится максимизация внутреннего накопления на основе снижения народнохозяйственных издержек и увеличения выпуска наукоемкой продукции конечного спроса.

Механизм политики неоиндустриализации должен быть плановым, а точнее – планово-корпоративным. Стихийное распределение и перераспределение трудовых, материальных и денежных ресурсов вслед за стихийными колебаниями частной нормы прибыли, определяемой инфляцией нефтедолларов, неминуемо оказывается в пользу сырьевого капитала.

Безусловно, для такой перестройки экономики потребуются крупные капиталовложения в развитие научно-образовательного комплекса, обновление материально-технической базы промышленности, в создание новых наукоемких производств. Поэтому предлагаемый ИНП РАН сценарий назван инвестиционно-инновационным (доклад «Будущее российской экономики: прогноз структурных изменений» в рамках программы социально-экономического развития России на период 2008 – 2015 гг.). Если не расплывать средства, а сконцентрировать их на приоритетных программах и проектах, то вряд ли такие вложения окажутся больше по объему и менее эффективны, чем дальнейшие масштабные инвестиции в разработку топливно-сырьевых месторождений, учитывая, что её приходится вести в ухудшающихся условиях в более отдаленных и необжитых районах [6, с. 111].

Решения задачи перераспределения трудовых, инновационных, технологических, материальных и финансовых ресурсов в пользу неоиндустриального капитала технотронного уровня можно добиться только централизованно, по единому общегосударственному плану, исходя из народнохозяйственной рентабельности и совокупного фонда накопления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Губанов С. К политике неоиндустриализации России // Экономист – 2009. – № 9. – С. 3 – 20.
2. Кушлин В. Посткризисная экономика: управление развитием // Экономист – 2010. – № 6. – С. 14 – 24.
3. Нешитой А. К новой модели экономического развития: воспроизводственный аспект // Экономист – 2010. – № 2. – С. 10 – 24.
4. Рябенко В. В. Место России в мировом разделении труда // Известия Иркутской государственной экономической академии – 2008. – № 4 (60). – С. 15 – 17.
5. Хинштейн А., Мединский В. Кризис. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп» – 2009. – 464 с.
6. Шуйский В. П. [и др.] Место России на мировых рынках (интеллектуальных) нематериальных услуг в условиях перехода к инновационному развитию // Проблемы прогнозирования – 2009. – № 2. – С. 106 – 118.

7. OECD Factbook – 2009 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.oecd-ilibrary.org/sites/factbook-2009-en/02/03/01/index.html?contentType=&itemId=/content/chapter/factbook-2009-17-en&containerItemId=/content/serial/18147364&acce>

FORMATION OF NEO-INDUSTRIAL PARADIGM OF DEVELOPMENT IN RUSSIA

Bragin Alexander

*3ed year student, Department of Economics, e-mail: braagin@mail.ru
Ogarev Mordovia State University, Saransk*

This article provides the results of the study of the causes of the backwardness of Russia, defines the necessary structural modernization of the Russian economy and the essence of the model of neo-industrialization.

Keywords: rent-resource model, the anti-crisis policy, neo-industrialization, productivity, vertical integration, TNC, research and development, innovation.